

© 1995 г. Н.К. ОНИПЕНКО

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НА ФОНЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТА

Полипредикативная конструкция (и сложное предложение в том числе) возникает в результате взаимодействия минимум двух моделей предложения. Синтагматическое взаимодействие моделей может быть более или менее тесным. При более тесном взаимодействии осуществляется предикативная и смысловая конденсация двух пропозициональных единиц в рамках осложненного предложения. Осложнение предложения обеспечено морфологической техникой: в русской морфологической системе для этого предназначены причастия, деепричастия, инфинитив, а также имена действия, состояния, качества. Сложное предложение, в отличие от осложненного, сохраняет относительную самостоятельность предикативных единиц, их "собственную" отнесенность к хронотопу говорящего.

Строя типологию сложных предложений "от средства связи", исследователь, как правило, обращает внимание на общность соединяемых моделей: их конструктивную и смысловую близость – различие понимается как само собой разумеющееся. Но если обращать внимание именно на различия и исходить из того, что союзы обнаруживают "повороты" от прямого отражения действительности к ее интерпретации и обобщению, от знания к мнению, от монологического слова к диалогически обусловленному речевому акту, то становится возможным иной путь системного описания полипредикативных конструкций, и сложных предложений в том числе.

Поскольку сложное предложение рождается там, где начинается синтаксис текста (одно из направлений этого подхода представлено работами М.В. Ляпон [1]), постольку и инструмент типологии сложных предложений нужно искать в синтаксической теории текста. В качестве такого инструмента здесь принимается коммуникативная типология текста, или теория коммуникативных регистров, разработанная Г.А. Золотовой [2].

В этой теории каждая модель предложения рассматривается как носитель свойств синтаксической единицы более высокого порядка, как предназначенная для функционирования в определенных контекстуальных условиях. Эти условия определяются: (а) отношением данного словесно-смыслового контекста к действительности, т.е. использованием слова как средства отражения действительности или как средства воздействия на действительность; (б) способом получения передаваемой информации (прямым, непосредственным восприятием или получением знания из "вторых рук", а точнее, уст); (в) способом отражения действительности, т.е. воспроизведением ситуации прямого наблюдения и прямой констатации наблюдаемого или передачей информации безотносительно к ее источнику; (г) характером (статикой или динамикой) отражаемой действительности. Учет всех этих аспектов дал систему коммуникативных регистров речи, в результате взаимодействия которых и образуется реальный текст.

Коммуникативный регистр – это модель отражения действительности, реализуемая определенными синтаксическими средствами в конкретные фрагменты текста. Текст при таком подходе понимается не как простое соединение повествования, описания и рассуждения, а как сложная композиция коммуникативных регистров, причем границы между регистрами могут не совпадать с границами предложений, граница может

проходить и в рамках одного, но полипредикативного предложения, соединяющего разные пласты нашего сознания.

В качестве инструмента анализа конкретных текстов Г.А. Золотова предложила систему пяти коммуникативных регистров: репродуктивного, информативного, генеративного, волюнтивного и реактивного. (Схема пяти коммуникативных регистров и образцы ее использования при анализе текстов представлены в "Коммуникативной грамматике русского языка", написанной Г.А. Золотовой и Н.К. Онипенко и находящейся в печати.)

Теория коммуникативных регистров позволяет по-новому взглянуть на сложное предложение: увидеть в сложном предложении результат взаимодействия коммуникативных регистров.

Союз соединяет минимум две противоположности (простое следование в рамках одного регистра не требует союзного показателя связи: *Толя пел, Борис молчал, Николай ногой качал...*), поэтому классификация полипредикативных конструкций, как сложных, так и осложненных предложений, должна обнаружить те противоположности, которые позволяет соединить в одном высказывании техника полипредикативности.

Объединение двух пропозиций в одной полипредикативной конструкции предполагает возможность взгляда со стороны как минимум на две ситуации. Этот взгляд может быть реальным (ситуация прямого наблюдения), что воплощается средствами репродуктивности регистра в его повествовательной и описательной разновидностях:

"Войско в горы царь приводит / И промеж высоких гор / Видит шелковый шатер. / Все в безмолвии чудесном / Вкруг шатра; в ущелье тесном / Рать побитая лежит. / Царь Дадон к шатру спешит. / Что за страшная картина! / Перед ним его два сына / Без шоломов и без лат / Оба мертвые лежат, / Меч вонзивши друг во друга. / Бродят кони их средь луга, / По притоптанной траве, / По кровавой мураве..." (А.С. Пушкин).

"Чистое" следование восприятий (с точки зрения царя Дадона) не требует союзного соединения; союз обнаруживает мыслительную активность говорящего, переход от одного регистра к другому или от одной разновидности регистра к другой его разновидности (так, первый союз *и* в данном отрывке соединяет повествовательную и описательную разновидности репродуктивного регистра, обнаруживает переход автора с внешней точки зрения на внутреннюю).

Наличие или возможность подстановки союза, а именно это, в конечном счете, оказывается основным критерием выделения сложного предложения как особой синтаксической единицы, – это знак коммуникативного переключения: перехода от одного регистра к другому, от наблюдения к знанию (*На столе лежала папка, которую оставил утренний посетитель*), перехода от статики к динамике и от динамики к статике (*Комната, в которой он оказался, была загорожена старой мебелью*), перехода от своего слова к чужому (*Он сказал, что положил папку в верхний ящик стола*).

Если смотреть на союз в границах сложного предложения, то союз оказывается средством разграничения, разделения двух пропозициональных единиц; степень их компонентного "наложения" определяет степень выраженности элементов каждой ситуации. Так, сравнительный союз *как* позволяет соединить определенно-личную (в репродуктивном или информативном регистрах) и обобщенно-личную (в генеративном регистре) модификации одной и той же модели предложения, соединить, например, информативный и генеративный регистры: *"Гладышев понял, что она причитает по нему, как по покойнику"* (Войнович).

Разделительная, разграничительная функция союзных средств проявляется и в том, что два взаимодействующих предикативных центра сохраняют относительную независимость одного набора предикативных категорий от другого; союз соединяет, но не подчиняет одну предикативную ось другой, ср.: *Я увидела комнату, в которой когда-то жил / живет / будет жить мой брат; Она сказала / говорит,*

что брат у е х а л / у е з ж а е т ночным поездом. Внешняя (формальная) независимость временной формы в придаточном от временной формы в главном обнаруживает отсутствие жесткой временной последовательности, возможность разных точек отсчета, параллельность двух осей времени – времени событий и времени мысли и речи.

Жесткая причинно-следственная зависимость событий, находящая свое выражение в таких характеристиках времени, как необратимость, линейность, поступательность и, как следствие, морфологическая соотнесенность видо-временной формы в главном и видо-временной формы в придаточном, характерна для сложного предложения, выражающего "взаимодействие" двух реальных событий, для соединения пропозициональных единиц в рамках диктума, ср.: *Когда она поднималась на второй этаж, закрипели ступеньки старой лестницы...* (*Когда она п о д н и м а е т с я ..., с к р и п я т ... / б у д е т п о д н и м а т ь с я ..., з а с к р и п я т / б у д у т с к р и п е т ь ...*), но **Когда она поднимается..., закрипели / будут скрипеть...* Внутренняя координированность видо-временных форм обнаруживает принадлежность обеих моделей к одному регистру: репродуктивному с актуальным временем предиката или информативному, в котором предикаты никак не связаны с хронотопом наблюдателя.

Отсутствие временной зависимости между двумя предикатами в сложном предложении (или то, что принято называть отсутствием временной относительности в придаточном изъяснительном [3]) – знак параллельности мира вещей и событий и мира мыслей. Соединение этих миров в одном предложении оказывается результатом взаимодействия диалога и монолога. Монологизация диалога позволяет соединить (но не слить) слово (сообщение, вопрос или побуждение к действию) героя и слово автора. При этом автор передает, интерпретирует, комментирует чужую речь, но не оспаривает мнение своего героя, поскольку герой и автор – речевые субъекты разного ранга.

Союз или союзное слово (при косвенной передаче частных вопросов) разделяет конкретное речевое действие и его содержание, разделяет собственное и чужое слово, репродуктивный и информативный регистры.

В свете теории коммуникативных регистров открываются новые стороны семантики конкретных сложных предложений. В качестве примера рассмотрим предложения с союзом *чем ... тем*.

Из литературы об этих предложениях мы знаем, что:

- (1) союз *чем ... тем* требует морфологического параллелизма двух предикатов: он соединяет два компаратива;
- (2) порядок следования частей не строго, но все же фиксированный: с препозицией *чем* и постпозицией *тем*;
- (3) для моделей, имеющих общий компонент, возможно вынесение этого компонента в позицию перед первой частью союза;
- (4) смысловые отношения, выражаемые этим союзом, квалифицируются как сопоставительные; все другие значения признаются контекстуально обусловленными, т.е. зависящими от конкретного лексического заполнения синтаксической структуры.

Для лингвистической интерпретации предложений с *чем ... тем* обычно пользуются такими словами, как сравнение, сходство, соотнесенность, сопоставление, соизмеримость, пропорциональное соответствие. Действительно, каждое из этих понятий отражает какой-то компонент смысла предложений типа *Чем дальше в лес, тем больше дров*, и все-таки ни одно из них не обнаруживает всей смысловой сложности. Это можно показать в небольшом лингвистическом эксперименте.

Известно, что лингвистический анализ лишь тогда признается верным, дающим адекватную интерпретацию, когда на его основе может быть произведена обратная операция – синтез грамматически правильного высказывания.

Представим себе жизненную ситуацию: Человек и его портрет. Человек становится старше, и стареет портрет, точнее, ветшают краски, холст, подрамник, рама. Че-

ловек изменяется во времени, с годами, со временем; со временем изменяется и вещь. Но между старением человека и старением вещи нет внутренней связи, нет внутренней зависимости, поэтому мы скажем *Стареют люди, стареют и вещи* и не воспользуемся союзом *чем ... тем*, не скажем *Чем старше человек, тем старше его портрет*, потому что за сопоставлением двух процессов нет причинно-следственных отношений. Союз *чем ... тем* обнаруживает не только внешний параллелизм двух процессов, но и их внутреннее причинно-следственное взаимодействие. Вспомните известный портрет Дориана Грея. Применительно к портрету Дориана Грея мы можем сказать: *Чем дольше живет Дориан Грей, тем старше и дряхлей человек на портрете*.

Итак, если отношения параллелизма и подобия предполагают рядоположенность в сознании, в модусе, то отношения, выражаемые союзом *чем ... тем* – это причинно-следственное взаимодействие двух процессов вне конкретного сознания. См. еще пример: *"И чем ярче играла луна, / И чем громче свистал соловей, / Все бледней становилась она, / Сердце билось больней и больней"* (А. Фет). Говорящий наблюдает оба процесса: изменение в природе и изменение во внешнем облике человека. Говорящий знает, что между первым и вторым процессом существует неочевидная связь, что есть причина, заставляющая героиню бледнеть при звуках соловьиной песни. Сопоставление процессов не является для говорящего самоцелью, оно позволяет ему констатировать закономерность, наличие причинно-следственных отношений. Таким образом, причинно-следственная связь для союза *чем ... тем* не есть "контекстуально обусловленная информация о внутренней зависимости соотносимых явлений" [4], а есть обязательное условие образования сложных предложений с союзом *чем ... тем*. Предложения с союзом *чем ... тем* – это вывод, обобщение минимум двух отношений:

- (а) *Далеко стою – плохо вижу*
Близко стою – хорошо вижу

Чем ближе с т о ю / н о д х о ж у, тем лучше вижу.
- (б) *Мелкие раки – Цена – 3 рубля*
Крупные раки – Цена – 5 рублей

Чем к р у п н е е раки, тем они д о р о ж е

В примере (а) два фиксируемых положения (*Близко – далеко; хорошо – плохо*) связаны не только пространственно, но и во времени. Это обнаруживается при синонимической замене на союз по мере того как (*приближался*) или на производный предлог по мере в соединении с девербативом (по мере *приближения*). Во втором примере нет временной соотнесенности, поэтому невозможны ни та, ни другая синонимическая замена (ср.: **По мере укрупнения / увеличения размера раков они дорожают*). Если в первом примере мы устанавливаем отношения между двумя временными инстанциями в рамках одной субъектной сферы, то второй пример – это отношения между разными субъектными сферами (раки-то не одни и те же). Так называемые "собственно лексические средства для выражения значения изменения признака" [5] могут быть использованы только в предложениях первого типа: глаголы *уменьшаться, увеличиваться, возрастать, прибывать* возможны только при наличии временной соотнесенности.

В связи с разграничением двух типов сложных предложений с *чем ... тем* можно рассмотреть следующий афоризм: *"Чем хуже дорога, тем больше пыли она пускает в глаза"*. Этот афоризм может быть прочитан по-разному: (1) "По мере ухудшения одной, данной, дороги увеличивается количество той пыли, которую она пускает вам в глаза"; (2) "Одна (хорошая) дорога отличается от плохой количеством пыли, которое и та и другая пускают в глаза". Но поскольку здесь использован фразеологизм *пускать пыль в глаза*, предназначенный для интерпретации, оценки конкретного осознанного

(контролируемого) действия человека, постольку более вероятным представляется второе прочтение, т.е. что количество внешних проявлений обратно пропорционально оценке сущности.

Различие между двумя типами предложений с союзом *чем ... тем* обнаруживается и в возможности/невозможности синонимической замены на предложения с синтаксемой "с + Тв.п.". Рассмотрим предложение *Чем старше человек, тем (он) мудрее*. Если речь идет об изменениях в рамках одной субъектной сферы (конкретного человека или человека вообще), то это предложение оказывается синонимом в ряду: *По мере того как человек взрослеет, стареет, он становится мудрее / он мудреет – По мере взросления... – С годами (с возрастом, со временем) человек становится мудрым, мудрее, мудрецом*. При этом именная синтаксема образуется не только формой множ. числа, но и формой единств. числа с местоимением *каждый*: *"И с каждым шагом город душный / Передо мной стесняет даль"* (А. Фет); *"Я тебе послушней с каждым днем"* (А. Ахматова); *"Как в зеркало, глядела я тревожно / На серый холст, и с каждою неделей / Все горше и страннее было сходство / Мое с моим изображеньем новым"* (А. Ахматова). Интересно, что и "с + Тв.п." допускает два истолкования. В соединении с местоимением *каждый* синтаксема "с + Тв.п." заполняется именами особой семантики: словами, обозначающими членность времени, точку или интервал на оси времени. Соединение этих точек в линию позволяет выразить процесс непрерывного становления, увеличения/уменьшения количества того или иного признака (качества, проявления, ощущения). Соединение же в непрерывную линию возможно постольку, поскольку есть (возможно) непрерывное наблюдение и сравнение одного момента с другим. Ср. два примера: *И с каждой осенью она все краше – И с каждой осенью я расцветаю вновь*. В первом примере моменты наблюдения соединяются в линию наблюдения, наблюдаемый же признак предстает в процессе развития, непрерывного становления. Во втором примере "с + Тв.п." выражает регулярность, повторяемость в системе циклического времени: *Каждый год, с приходом осени я расцветаю вновь*. Синонимическое взаимодействие примеров рассмотренной пары с предложениями с союзом *чем ... тем* возможно лишь для примеров первого типа (*Чем дольше я её наблюдаю, тем она краше*).

При отсутствии временного следования между двумя субъектными инстанциями (*Старший мудрее, опытнее младшего*) мы получаем возможность своеобразного перевертыша: *Чем старше, тем мудрее → Чем мудрее, тем старше; Чем раки крупнее, тем они дороже → Чем раки дороже, тем они крупнее; Чем хуже дорога, тем больше пыли → Чем больше пыли, тем хуже дорога*. Жесткая временная последовательность в предложениях другого типа [*"Лестница чем дальше, тем становилась темнее"* (Ф. Достоевский)] обусловлена необратимостью времени наблюдения: чтобы "увидеть" увеличение темноты, надо двигаться по лестнице (*по мере продвижения, с каждым шагом, с каждым пролетом*).

Может показаться, что различие между двумя типами сложных предложений с союзом *чем ... тем* состоит только в жесткой временной последовательности, предполагающей предшествование причины и следование следствия, но жесткая временная последовательность, обнаруживающая себя в запрете на конверсию, существует и в предложениях второго типа, ср.: *"Чем громче музыка атак, / тем слаще мед огней домашних. / И это было только так / в моих скитаниях вчерашних: / тем слаще мед огней домашних, / чем громче музыка атак"* (Б. Окуджава). Поэт может поменять порядок следования частей сложного предложения (*чем громче..., тем слаще... → тем слаще..., чем громче...*), но не может образовать "перевертыш" (*Чем слаще мед огней домашних, тем громче музыка атак*), потому что настоящую тягу по дому человек ощущает, оказавшись вне дома, в огне войны. Еще пример из поэзии Б. Окуджавы: *"Чем дальше от Москвы, тем чище дух крестьянства, / тем голубей*

вода, тем ближе к небесам". Этот пример может быть прочитан двояко: если речь идет о выводах из конкретного путешествия, если это обобщение наблюдений, сделанных одним и тем же наблюдателем и соотнесенных не только в пространстве, но и во времени, то возможны несколько синонимических преобразований (*По мере продвижения от Москвы / с каждым километром / с каждой новой деревней вода становится голубей, дух крестьянства чище, осязтимее близость к небесам*); если же между фиксируемыми закономерностями нет временной связи, т.е. они не заполняют единое и нечленимое время наблюдения, то синонимическая замена на конструкцию *с по мере того как* оказывается невозможной, но возможно преобразование типа *Степень удаленности от Москвы определяет степень голубизны...*

Предложения первого типа характеризуются конкретной локализованностью на оси времени, предложения второго типа – отсутствием временной локализованности. Конечно, в поэтических текстах трудно разграничить эти два прочтения: особенность поэтической речи в том и состоит, что поэт сознательно комбинирует, сохраняет двусмысленность данной языковой единицы.

Интересно, что такую "двусмысленность" допускают только предложения, выражающие реальный процесс наблюдения, причем это обнаруживается возможностью/невозможностью форм прошедшего времени. Так, например, предложение *Чем быстрее идет поезд, тем быстрее бегут столбы за окнами* может быть прочитано и по 1-му и по 2-му типу, но если мы изменим форму глагола, то предложение становится однозначным, читающимся только в связи с ситуацией прямого наблюдения: *Чем быстрее шел поезд, тем быстрее бежали столбы за окнами*.

Для предложений второго типа соотношение с конкретным временем требует изменений в структуре. Так, А. Блок в стихотворении "Моей матери" в первой строфе формулирует общую закономерность (и в этом предложении не может быть изменена временная форма предиката), в последней же строфе поэт говорит о своих сиюминутных ощущениях, а поэтому перестраивает первые две строки; в полученной конструкции соединяются две фазисных модификации (в них возможен фазисный глагол *стало*), в составе которых конкретно-локализованные во времени предикаты:

Чем больной душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больной душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.

Всеобщая закономерность воплотилась в жизнь; причинно-следственная связь сохраняется, но нет прогрессирующего признака, поэтому невозможен союз *чем ... тем*. Сиюминутность подчеркивается и местоимением *это*, которое невозможно в первой строфе. Применительно к конкретному времени союз *чем ... тем* возможен лишь тогда, когда непрерывное становление (возрастание или убывание) наблюдаемо, даже если эти наблюдения растянуты на годы:

Чем дольше живем мы, тем годы короче,
Тем слаще друзей голоса.

(Б. Окуджава);

Чем больше я живу – тем глубже жизни тайна, -
Тем прозрачнее мир, страшней себе я сам,

Тем больше я стремлюсь к покинутой отчизне,
К моим безмолвным небесам.
Чем больше я живу – тем скорбь моя сильнее
И неотзывчивей на голос дольних бурь
И смерть моей душе все ближе и яснее,
Как вечная лазурь.

(Д. Мережковский);

Чем доле я живу, тем больше пережил,
Тем повелительней стесняю сердца пыл, –
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека.

(А. Фет)

Предложения с *чем ... тем₁* имеют в своей первой части изменение ситуации наблюдения: *чем дальше, чем выше, чем глубже... я оказываюсь, тем...* Даже в случаях типа *Чем выше поднимался шарик, тем он становился меньше* первая часть выражает изменение условий наблюдения (чем дальше он от меня).

Перемещение наблюдательного пункта вызывает определенные изменения в восприятии наблюдаемого объекта, так мы получаем особый вид каузативных отношений – каузацию восприятия:

Чем ближе к небесам – тем ненаглядней твердь

(Б. Окуджава);

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдаль.

...

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор.

(К. Бальмонт)

Чем ... тем₁ может соединять изменения двух наблюдаемых объектов, вспомните уже цитированные здесь строки стихотворения А. Фета "На заре ты ее не буди". Наблюдение "развивается" не в пространстве, а во времени, точка зрения говорящего статична.

Из сказанного становится очевидной регистровая закреплённость предложений с *чем ... тем*. *Чем ... тем₁* принадлежит информативному регистру в его повествовательной разновидности: предложения, тесно связанные с ситуацией прямого наблюдения, не являются прямой констатацией событий. *Чем ... тем₂* функционирует в рамках генеративного регистра: предикаты этой конструкции характеризуются отсутствием временной локализованности, а субъекты – обобщенностью; предложения с *чем ... тем₂* – это общие суждения с обобщенным личным, не-личным или вне-личным субъектом: *Чем талантливее писатель, тем он требовательнее к себе; Чем прочнее, красивее мех, тем он дороже; Чем севернее, тем холоднее* (вне-личный субъект, как правило, не выражен).

Предложения с *чем ... тем₁* имеют в своем составе конкретно-локализованные предикаты, что обнаруживается не только в возможности фазисной модификации (*стало виднее, стало красивее*), но и в возможности временной парадигмы (наст. – прош. – буд.). Конкретно-локализованный предикат взаимодействует с конкретным субъектом. Если в генеративном регистре основным действующим лицом оказывается имя класса, то в информативном – имя субъекта-индивида (разграничение индивида и субъектной инстанции см. [4]). Для предложений с *чем ... тем₁* невозможны глаголы совершенного вида; совершенный вид указывает на принадлежность предложений с *чем ... тем* к генеративному регистру (*Чем ближе подойдешь, тем лучше увидишь*), в информативном

регистре для конструкций с *чем ... тем* возможен лишь несовершенный вид, ср.: *Чем ближе мы подходили, тем лучше видели* – но **Чем ближе мы подошли, тем лучше увидели*.

Обобщая наблюдения над предложениями с союзом *чем ... тем*, отметим, что, в отличие от других союзов, парный союз *чем ... тем* не противопоставляет части сложного, а сливает их воедино: обе части принадлежат одному коммуникативному регистру – либо информативному (*чем ... тем₁*), либо генеративному (*чем ... тем₂*). Различие между типами – это различие между регистрами.

И последнее наблюдение. Оно касается известных пушкинских строк:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

По-видимому, у Пушкина здесь два разных *тем*. Первое – часть союза *чем ... тем*, второе – совмещает в себе и "значение" второй части парного союза *чем ... тем*, и функцию соотносительного местоимения с каузативным значением (*тем самым, таким образом, таким способом*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
3. Гиро-Вебер М. О так называемой несогласованности времен в сложноподчиненных предложениях (Русский язык в сопоставлении с французским) // Русский язык за рубежом. 1975. № 4.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3.